

№406 Бедница

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Тони бабки!

И снова: «деньги давай!». Кончится, наверное, это только в жизни загробной. Сия тема – «О церковных пожертвованиях» поднимается ныне в уставном чтении из 9-й главы Второго послания Павла Коринфским христианам. Апостол весьма выразителен: «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнёт; а кто сеет щедро, тот пожнёт щедро» (2Кор.9,6). Понятно, что имеется в виду – жадничаешь в этой жизни – бедствовать будешь в «той».

Обычно подобные «хитрости» раздражают, или, по крайней мере, возбуждают подозрительность. Оно и понятно – будущая жизнь – это как журавль в небе – будет она или нет? Никто ещё не возвращался с «того» света. И от чего будет зависеть благополучие в жизни «той» - кто его доподлинно знает?!

Особенно болезненен этот вопрос в нынешних реалиях жизни рядовых украинцев – средств не хватает на самое необходимое. А тут ещё: «Жертвуйте на ремонт и содержание храма!»

На самом деле, с деньгами расставаться в большей или меньшей мере трудно всем, даже людям богатым. Последним, к слову говоря, случается, ещё тяжче, как это ни странно может показаться.

Но, что ни говори, вот это состояние относительной нищеты очень опасно для наших душ, потому, что жизнь буквально **ЗАСТАВЛЯЕТ** быть бережливыми, экономными, ну и, соответственно, «прижимистыми». Образуется такой вот бульон – питательная среда для болезнетворных «бактерий жадности». Нуждающийся человек рискует **утратить способность давать** – отрывать от себя и делиться. И, соответственно, ближний, ожидающий помощи, для такового становится persona non grata. А это ведёт к ожесточению сердца, к чёрствости и, как результат, отделяет нас от Христа – для Него мы становимся «чужими». Он ради нас умирал на Кресте, а мы не в состоянии разжать ладонь даже с десятью гривнами.

И проблема эта не только церковно-материальная, но и духовно-личностная. Да, в храме иногда не обретается денег заплатить за электроэнергию, купить масла для лампад, а церковно-священнослужителям выдать мизерное по нашим дням жалование. Но ещё хуже это, как уже сказано, для душ «нежертвователей».

О.Иоанн: «Лично мой опыт не подтвержда-

ет заверений пророка Малахии, говорящего от имени Бога, что, дескать, мы можем «испытать Господа, чтобы убедиться, - действительно ли Всевышний (если будем жертвовать на храм и делиться с нуждающимися) откроет нам "небесные окна" и изольёт на нас *достояние* с таким избытком, что даже положить будет некуда...» (Малах.3,10). Никаких особых обогащений в своей жизни в качестве ответа на мои, пусть и редкие, да ещё и скромные благодеяния, места не имели. Зато когда я «зажимал деньги», **отказывал** в помощи тем, кто в ней нуждался – поверьте на слово – мало не казалось – неумолимые убытки «ни с чего, ни с того», следовали десятикратные».

Другими словами, как бы ни было «скрутно», делиться надо. Ну а чтобы не было мучительно больно, апостол предупреждает, что пожертвование не должно быть слишком тягостным: «Каждый уделай **по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением...**» (2Кор.9,7). Ну а Всевышний, как уверяет Павел, «...силен обогатить нас всяким *добром*, чтобы мы, всегда и во всём, имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело...» (2Кор.9,7).

Суд, милость и вера

Как мы говорили в прошлый раз, хорошо так на воскресной проповеди в храме произнести пламенную проповедь о любви к врагам и в связи с этим - за полную отмену смертной казни во всём мире. Ну, а если этот же самый проповедник на следующий день придёт домой и там обнаружит трупы своих детей и любимой жены?! Просто какой-то бандит ворвался к вам в квартиру, порубил топором всю семью, включая годовалого младенца, поживился какими-то жалкими тремястами гривен и ушёл благополучно, омыв топор в водичке и строя очередные аналогичные планы? Ну что с этим человеком хочется сделать? Не просто убить. Нет, даже не задушить, а так - этим же топором, да не по темечку, и не сразу! И даже не то, чтобы заставить его пережить то же, что и жертвы, нет, гораздо более!.. Этот инстинктивный всплеск – он легко вылезает: это даже не стремление отплатить тем же самым, а устроить ему предельный ад на земле.

В прошлый раз мы говорили с вами, что Закон Божий, так сказать, стоит на трёх китах. Это три понятия: суд, милость и вера.

Как Бог милостив и не хочет ничьей гибели, так и суд должен вершиться таким образом, чтобы избежать чьей бы то ни было гибели. И мы подчёркивали с вами, что суд Божий призван ориентироваться на истину в абсолютном смысле слова.

Ну и, естественно, вот такое добродетельное высокое призвание христианина чрезвычайно сложно удержать, да, собственно, и осуществить. Трудно представить себе гуманную систему судопроизводства при негуманном устройении общества. Вопрос, а готова ли страна, готовы ли люди к отмене смертной казни - это вообще-то вопрос несправедливый. Потому что, если эти реформы вводятся искусственно, то это может привести к тяжёлым последствиям. Но это уже сфера целесообразности. А что происходит с душой человека?

Эмоционально, может быть, не всем из нас легко понять обычай кровной мести. Это происходит, если человек живёт в значительной степени природными инстинктами, причём, очень сильными. И если он в случае, когда столкнётся с убийством своего ближнего, не сдерёт буквально шкуру с того, кто это сделал, то у него действительно не произойдет той эмоциональной разрядки, которая ему внут-

ренне необходима для того, чтобы он почувствовал, что справедливость восторжествовала. Должно быть какое-то серьезное внутреннее устройство, превышающее эту диковатую естественную логику мести.

Древний человек вообще не в состоянии был на какие-то особые тормоза в этом плане. Поэтому именем Божиим в Ветхом Завете и освящен порядок, по которому всякий убийца убивается, да и всякий вор тоже может быть убит. Вот именно потому, что когда речь заходит о том, чем реально живут многие люди, как люди устроены, - то и оказывается, что реальная жизнь в значительной степени замешана на стихии, на плохо контролируемых инстинктах. Стоит только какому-нибудь событию произвести всплеск этих инстинктов, то чтобы вернуть это в исходное положение, нужен какой-то очень сильный стимул, какой-то обратный раздражитель.

К слову говоря, вот пресловутое каменование, практиковавшееся в Ветхом Завете. Понятно, что в первую очередь это кара, казнь преступника - толпа забивала человека камнями. Но ведь Ветхозаветный закон, регламентирующий каменование - это ведь ещё и сдерживание инстинктов. Если мы внимательно приглядимся к тому, как совершается эта смертная казнь, то она, конечно, не сказать, что чем-то гуманнее расстрела или повешения, а по части физических мук, может быть, и похуже будет, потому что пока этими камнями человека забьют до смерти, это же время пройдет. Там, конечно, не галькой кидались, а увесистыми булыжниками, и не издалека, а так, с расстояния двух метров, а то и одного. Но всё-таки, в преступника можно было только бросить камнем. Хотя до этого он мог других убивать чем угодно, но в него можно было бросить только камень. И упиваться его мучениями от того, что кто-то, скажем, его на раскалённую сковороду посадил или полруки оттяпал - этого было нельзя. Хотя очень хочется, на самом деле: чего там камень-то, помучить бы подольше! А - нет уж. Вот установили, что только камнями, и всё. Кстати, вы знаете, кто начинал этот скорбный процесс? Главный свидетель, на основании показаний которого суд утвердил такое решение. Именно он должен был бросать камень первым. Вот он камешком запулил - а тогда и все остальные разделили эту ответственность перед Богом. И бросаются только камнями. А ломать человека на четыре части, выворачивать конечности, наслаждаться мучениями - этого нельзя.

То есть ветхозаветная практика каменования имеет еще и сторону ограничительную. Также и фраза: «Око за око, зуб за зуб», - тут важно то, что - только **одно** око за око, и только **один** зуб за зуб. Причём эта фраза раздаётся в контексте людских настроений, когда за высаженное око человек чувствовал себя вправе вообще ни в чём не стесняться и ничем не ограничиваться. Но нет, ему говорят: нет, уж коли речь идёт о возмездии. А человек одержим только возмездием, он больше ничего не воспринимает. И Бог ведь не может насилловать такого человека. Ну, вот как можно внушать Иисусу Навину дух христианского покаяния? Он в принципе не мог воспринять ничего подобного. Поэтому первая ступень верховного возрастания - это возмездие справедливое. Кара должна быть, ну хотя бы симметричная, хотя бы так. Так что пусть обиженный высадит обидчику только одно око, причём, желательно в той же степени.

Вообще, если человек будет одержим вот этой идеей симметрии - скорее всего, у него это не будет получаться. И уже от этого можно отталкиваться. Дело в том, что это «око за око, зуб за зуб» на самом деле не просто компромисс с дремучими нравами человечества. То есть это компромисс, конечно, но не только. На самом деле это отправная точка. С чего-то надо начинать.

Вообще, весь мир нам открывается как **динамическое** нечто, как то, что движется от какого-то нуля к некоему упорядочиванию. Вот

так и человек... Бог его застаёт в Египте в качестве потенциального Своего избранника таким, каков он есть. Не таким, каким хочется его видеть, а таким, каков он есть. И вот с ним надо что-то делать.

Бог мог донести до человека только то, что ложится как-то на человеческую душу. Потому что, если быть озабоченным тем, как бы не высадить больше чем око, в ответ на выколотое око, - может ведь проснуться и подозрение: а может, его вообще не высаживать? Потому что, если ты одержим желанием высадить его во что бы то ни стало, то всегда в этом случае будешь перебирать. Ну вот, «зуб за зуб», хорошо. А у кого получалось в ответ на один выбитый зуб выбить точно один же? Это, знаете, уже процедура на уровне дантиста. Это значит - человека надо изловить, лишит возможности передвигаться, и не вышибить, а аккуратно удалить зуб, нанеся ему ровно тот же ущерб. То есть один удар - на один удар. Причём в ту же меру, такой же силы и с теми же последствиями. А как может человек соизмерять это всё? Потому что, простите, если всё-таки удар на удар, так ведь удар - это такая вещь, что точно спрогнозировать невозможно, каким он будет. И как может ударяющий руководствоваться этими принципами, если он действительно решил всё-таки вмазать, как следует, в ответ на то, что по нему произвели то же самое, - вот как он, ударяя, может быть одержим одной идеей: как бы человеку не нанести больше увечья, чем то, на которое я имею право? Ну, невозможно это. Всякий, кто хотя бы в мыслях имел стремление нанести удар, понимает, что в эту секунду ничего подобного в голову не полезет. Просто места не будет в голове таким благочестивым мыслям. Это может быть только на бумаге, в форме заповедания. Всякий удар бывает с перебором. Так что, опять же, здесь есть возможность отсчитать сдачу. Тебе же сказали: око за око, зуб за зуб, а ты око и ухо высадил. А мы так не договаривались, значит, теперь ты виноват, давай теперь ты свое ухо подставляй. И всё, в общем, будет так без конца и края.

Хотя человечество очень легко умеет обходить проблемы в собственную пользу. Ну, ладно, высадил око с чуть большими последствиями, чем предполагалось - ну и ладно, плюс-минус по Закону поступили, не убили же - уже хорошо. Но всё-таки, совестливую душу это может задеть в каком-то смысле. И тогда начинают развиваться подозрения: а подлинная ли это, высшая ли это справедливость, что всё происходит именно так, нет ли здесь какого-то подвоха?

Но что значит - стремиться к всеобщей справедливости? Да, можно, в конце концов, считать, что если убийцу отловили и побили камнями, то справедливость восторжествовала окончательно и бесповоротно. Но внутреннее ощущение у человека, действительно старающегося утверждать в своей жизни суд, милость и веру, вряд ли будет так уж с этим спокойно. Действительно ли справедливость восторжествовала, действительно ли в этом правда? Потому что справедливость - это не равновесие между добром и злом. Справедливость торжествует тогда, когда утверждается то, что от Бога. Вот преступник, вот он нарушает Закон, и тем утверждает неправду. А надо, чтобы торжествовала правда. Соответственно, для этого, что надо сделать с неправдой? Надо её устранить из жизни. А как устранить? Уничтожить носителя неправды? И вот вопрос: совершается казнь, и что - справедливость торжествует окончательно? Наверное, нет.

Правда, вероятно, окончательно восторжествует там, где тот, кто поднял руку на своего противника, этого действительно больше никогда не сделает, и не потому, что ему не позволят, и не потому, что ему эту руку отрубят, а потому, что она сама больше не поднимется. Именно в этом - окончательная правда христианства.